

Н. А. Дидковская

**Теоретико-методологическое обоснование дефиниции «стратегии»
в контексте социокультурных исследований**

В статье предпринимается теоретико-методологический анализ дефиниций «стратегия», «практика», «сценарий» с точки зрения их традиционного использования в социальных и философских науках, а также актуального бытования в современном культурологическом дискурсе. Реконструкция истории философского осмысления социального общения позволяет выявить теоретико-методологические основания понятия «стратегия» в «субъект-центрированных» (Кант, Фихте, Шеллинг, Шлейермахер, Гегель) и «функциональных» (Леви-Стросс, Деррида, Фуко, Хабермас, Бурдьё) философских теориях XIX–XX веков.

Ключевые слова: сценарий, практика, стратегия, социально-культурная парадигма личности.

N. A. Didkovskaya

**Theoretic-Methodological Substantiation of the Definition “Strategy”
in the Context of Social-Cultural Researches**

In the article is undertaken the theoretic-methodological analysis of definitions “strategy”, “practice”, “scenario” from the point of view of their traditional use in the social and philosophical sciences, and also actual existing in the modern culturological discourse. Reconstruction of history of philosophical judgement of the social dialogue allows to reveal the theoretic-methodological bases of the concept “strategy” in “subject-centered” (Kant, Fichte, Schelling, Schleiermacher, Hegel) and “functional” (Levi-Stross, Derrid, Foucault, Habermas, Bourdieu) philosophical theories of the XIX–XX centuries

Keywords: scenario, practice, strategy, a social-culturological paradigm of the person.

Изучение социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI веков как репрезентативного и системообразующего феномена предполагает верификацию философско-методологического обоснования подходов, традиционно применяемых в социальных и философских науках. Прежде всего, речь идет о концепции *стратегии* личности, *сценарном* подходе, и концепции *практик*. Зачастую понятия «стратегия», «практика», «сценарий» используются в контексте социокультурных исследований как взаимозаменяемые, причем синонимическая парадигма безгранично расширяется за счет употребления метафор «путь самоопределения», «траектория успеха» и т. п. Характерно, что исследователи, ощущая несоответствие термина описываемому процессу, стремятся ситуативно прояснить его использование: «Такая “промежуточная” самоиндефикация не позволяет творческой *стратегии* автора оформиться в *сознательно отрефлексированную установку*» [1]. «*Сценарии* творческого поведения, связанные с сознательным выбором провинции как места жизни, в уральской литературе уже существуют. Наиболее

яркие и принципиально осмысленные как *стратегии* – у челябинца Виталия Кальпиди, пермяка Юрия Беликова» [2]. Выглядящий позволительной вольностью в рамках нарративно представленной локальной персональной темы, этот прием превращается в проблему исследования, претендующего на аналитический подход.

К такой ситуации вполне применимо суждение известного социолога А. С. Готлиб, констатирующей методологическую незрелость части профессионального сообщества при использовании качественного метода в эмпирической социологии. По ее мнению, методы исследования, «определяются прежде всего своими методологическими основаниями, задающими свой предмет исследования (смыслы тех или иных явлений), свою логику организации исследовательского поиска, свои образы результата и критерии оценки его качества» [3].

Иными словами, определенный метод, как и конкретное понятие, невозможно использовать в качестве универсального ключа к любому исследуемому явлению вне контекста научно-дисциплинарных традиций и актуальных тен-

денций. Замещение-смещение понятий – явление, ставшее практически общеупотребимым в культурологическом дискурсе, – требует методологической экспертизы и «легитимации» дефиниций, отвечающих критериям функциональности, смысловой емкости, продуктивности.

Понятие «сценарий» первоначально использовалось в психологии, изучающей жизненный путь личности. Одна из первых концепций жизненного сценария разработана в «психологии человеческой судьбы» Э. Бёрна. «Сценарием, – пишет он, – мы считаем способ структурирования времени своей жизни между первым приветственным звуком у материнской груди и последним прощай на краю могилы» [4]. Бёрн описывает несколько сценариев, встречающихся в типичных повседневных ситуациях, именуя их: «Всегда», «Никогда», «После того, как», «Перед тем, как», «Снова и снова».

Жизненный сценарий отличается бессознательным характером и искусственным происхождением содержания. Он составляется в детстве на основе родительских посланий и корректируется в процессе жизни по мере необходимости, его возможно изменить в результате принятия сознательного решения.

Итак, под сценарием в психологии обычно понимается план, который индивид реализует в своей повседневной жизни, не задумываясь о нем. Сценарий – это своего рода «внутреннее табло» или экран, на котором воспроизводятся или конструируются различные сцены жизни. Через этот экран человек смотрит на мир как бы с одной стороны. Но есть и другая сторона, ему недоступная.

Таким образом, сценарий – это различные последовательности действий (воображаемые, но правдоподобные) и вытекающие из них события, которые могут произойти в будущем. Эти последовательности имеют общее начало (настоящее состояние), но затем возможные состояния различаются все сильнее, что и приводит к проблеме выбора. Это такой способ структурирования времени, для которого характерна детерминация интересубъективного настоящего объективным прошлым и субъективным будущим.

Концепция практик (вернее, сам термин «практика») появился в марксистских и структуралистских парадигмах антропологии. В начале 70-х гг. XX века П. Бурдьё и К. Гирц публикуют работы, в которых предлагают свою интерпретацию данного понятия. Вместе с тем, вопрос о смысловом наполнении дефиниции «практика» и

способах ее содержательного исследования остается непроясненным.

В социологической теории термин «практика» также символизировал поиски компромисса между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии, и в то же время – попытки предложить «третий путь»: либо посредством категориального синтеза, как, например, в теории «структуриации» Э. Гидденса, либо указанием на воплощенность социально-классовых структур в самом деятеле, как это пытался сделать Бурдьё при помощи концепции «habitués» [5].

Таким образом, в социальных науках можно выявить по меньшей мере пять способов понимания практик.

Первый способ, актуализированный в рамках философии Д. Юма, предполагает, что привычка или обычай мыслить или поступать определенным образом служат достаточным основанием для последующих действий. Мышление или действие «по привычке» – это не только первое, но и наиболее консервативное понимание практики – дает возможность действовать, не прибегая к философским, моральным, логическим и иным обоснованиям.

Способ, предложенный Л. Витгенштейном, допускает, что практика или «форма жизни» задает условия осмысленности повседневного языка. Таким образом, открытие, что язык в действительности функционирует лишь на фоне всей совокупности практик, принятых в данной культуре, задало один из основных способов того, как можно помыслить практику. Современник Витгенштейна философ обыденного языка Дж. Остин заметил категорию высказываний, имеющих в практике языка особый статус – перформативные высказывания. Это не высказывания «о чем-то», а действия, которые изменяют реальность с помощью языка.

Этнометодологические исследования берут в качестве основного объекта изучения повседневную практику в ином ее понимании: как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности. Многие исследования демонстрируют то, как умелые и взаимно согласованные действия участников «снимают» неопределенность и поддерживают существование объективных социальных институтов, поддающихся вследствие этого рациональному исследованию. В этом смысле практики – все, что мы делаем.

Еще одну размерность концепции практик, описание практик интерпретаций, можно обна-

ружить в исторической социологии науки, а также в литературной теории. Это исследование неявных правил или коллективных норм, по которым то или иное «интерпретативное» или «научное» сообщество устанавливает «значимые факты», «приемлемые объяснения», «смыслы текстов».

Отдельно стоит упомянуть разнообразные жанры исторических исследований, представляющих основные социологические категории, такие как общество, личность, индивид, социальная норма, как исторически меняющиеся конфигурации повседневных практик.

«Наиболее важные для нас аспекты вещей, – писал Витгенштейн, – скрыты из-за своей простоты и повседневности (их не замечают, потому что они всегда перед глазами). Подлинные основания их совсем не привлекают внимания человека. До тех пор, пока это не бросится ему в глаза. Иначе говоря: то, что мы до поры не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным» [6].

Таким образом, практика(-и) – это устойчивые, скорее неосознанные, чем осознанные, отдельные, более или менее связанные акты рутинного повседневного действия, предполагающие полуавтоматическое следование одной, первоначально выбранной схеме.

Понятие «стратегия», первоначально заимствованное из военного лексикона, приобрело за десятилетия активного использования весьма различные толкования и традиции употребления в сфере социальных, философских, экономических наук. С точки зрения экономического подхода стратегия выступает как устойчивый последовательный выбор способов действия на пути к достижению фиксированной цели в условиях ограниченного выбора ресурсов. Например, по мнению В. В. Радаева, в теории игр, противопоставляющей играм случая стратегические игры, стратегия человека определяется попросту как выбор наилучшего способа действия исходя из поведения других агентов. Иными словами, в экономическом смысле мы имеем стратегию, когда обнаруживаем устойчиво повторяющееся целерациональное поведение. В этом смысле все поведение *homo economicus*, рассматриваемого в качестве «нормального», среднего человека, по сути, является реализацией каких-то стратегий. Таким образом, в экономической теории различие между практиками и стратегиями несущественно [7].

Если вернуться к первоначальному осмыслению стратегии как формы поведения субъекта в условиях борьбы, войны, игры, то в ней акцентировались способности человеческого ума к особым хитростям, уловкам, ложным маневрам, составляющим соперников, противников, партнеров принять определенную логику развертывания взаимодействий. «Стратегия есть некоторый план, настолько исчерпывающий, что он не может быть нарушен действиями противника или природы, т. к. все, что может предпринять противник или природа вместе с набором наших возможных действий является частью описания стратегии» [8]. Поскольку в стратегии план реализации всегда важнее плана обоснования, главной фигурой является сам субъект осуществления действий. В нем, в его поведении неявным образом «синтезируются» теоретические и практические, методологические и технические аспекты стратегии. Таким образом, идея взаимодействия, хотя изначально и присутствует в понятии «стратегия», оставалась подчиненной пониманию стратегии как определенной линии поведения, как определенного выбора программы действий. Такое толкование стратегии соответствовало «линейным» схемам объяснения истории, развития общества, идеологии «выбора моделей» социальных изменений. В логике этого соответствия и стратегия общества виделась как программа, выбранная, предписываемая или предлагаемая обществу субъектом или субъектами, представляющими его правящую элиту. В середине XX столетия, когда обозначился кризис тоталитарных моделей общественного развития, «линейных» схем истории и соответствующих «больших» социальных теорий, проблема понимания субъекта стратегии перешла в иной регистр и оказалась тесно связанной с проблемой социальных взаимодействий. Возникает задача философско-методологического обоснования стратегии как формы проектирования и реализации социальных взаимодействий между разными субъектами. Впрочем, она начала решаться еще в эпоху «философской классики», когда и были выработаны основные направления и парадигмы философских трактовок социального общения.

Реконструируя историю философского осмысления социального общения, можно проследить не столько характер бытования термина «стратегия» (весьма «непостоянный»), и даже не только логику его интерпретации (весьма непоследовательную), но теоретико-методологические основания, обеспечивающие

понятию «стратегия» значимый категориальный статус.

Известный социолог Ю. В. Перов предлагает выделение двух «классов» социально-философских «коммуникативных теорий». Эта типология позволяет продемонстрировать универсальность дефиниции «стратегия», инварианты которой отразили основные моменты процесса философского осмысления социального общения [9]. Концепции первого типа в качестве исходного пункта теории и методологии отправляются от субъектов и их деятельности. Этот класс теорий включает не только монологичные, в том числе «прагматически-инструментальные» модели общения, но также и многообразные формы «диалогизма» в философских трактовках общения, в том числе даже те, в которых исходным пунктом общения выступает не «Я», а «Другие». При этом речь может идти как об индивидуальных, так и о коллективных, институциональных или исторических «субъектах».

Противоположные концепции могут быть охарактеризованы как «системно-структурные» или «функциональные» модели общения. Их теоретики декларируют стремление к полному устранению «субъекта» и всей герменевтической проблематики, к замене субъектов «функциями». Предмет исследования при таком подходе – не деятельность и сознание живых индивидов, а системы устойчивых способов их взаимодействия, «дискурсов», жизненных «практик» и иных «надындивидуальных структур», существующих и функционирующих в данном обществе.

Трансцендентальный идеализм **Канта**, **Фихте** и **Шеллинга**, философская герменевтика немецких романтиков (в частности **Шлейермахера**), концепция гражданского общества **Гегеля** демонстрируют, что с конца XVIII века и на протяжении XIX и XX веков преобладающими как в количественном отношении, так и по степени влияния были философские теории социального общения, реализовывавшие «субъект-центрированные стратегии». Долгое время представлялось, что такая перспектива исследования общения, понятого как взаимодействие субъектов, постигаемое в их сознании и деятельности, является сама собой разумеющейся и даже единственно возможной. Подавляющее большинство существовавших и существующих теорий социального общения (от экзистенциальных и феноменологических до прагматических и позитивистских), равно как и все формы герменевтики и

философских теорий понимания воплощали в многообразных вариантах именно эти модели.

Противоположные «системно-структурные» или «функциональные» стратегии философского осмысления общения обрели распространение главным образом после так называемой «структуралистской революции», в частности работ **К. Леви-Стросса**. Признание существования «не имеющих автора-творца» и якобы «бессубъектных» общественных структур, «дискурсов», «жизненных практик» привело к тому, что при реконструкции социального общения место самосознающих взаимодействующих субъектов заняли самодостаточные воспроизводящиеся системы. В контексте таких тенденций **Ж. Деррида** и **М. Фуко**, при всех различиях их идей, по сути, оказались солидарны в критике «субъективизма», «гуманизма» и «антропологизма» новоевропейского философского мышления, а также – всякого рода феноменологических и герменевтических теорий, а в конечном счете и в присущем им стремлении вовсе избавиться от субъекта, а то и от «человека вообще». Акты общения предстают как события и элементы автономно самовоспроизводящихся систем, осуществляющие внутри этих систем функции, которыми и определяются их значения. В итоге возникает аналог такого самодостаточного «текста», в котором автор (художник, писатель) и реципиенты (публика) оказываются лишь его функциями.

В этом контексте самостоятельный интерес представляет теория «коммуникативного действия» и «коммуникативного разума» **Ю. Хабермаса**. Еще в одной из ранних книг «Познание и интерес» он так характеризовал различие стратегического (инструментального) и коммуникативного действия: «стратегическое действие отличается от коммуникативного благодаря тому, что решение между альтернативными возможностями выбора принципиально монологично, то есть осуществляется без оглядки на партнера» [10]. Стратегическое действие – это действие инструментальное или «целерациональное», в котором за рациональной формулировкой целей следует столь же рациональный подбор адекватных этим целям средств. Далее Хабермас рассуждает о «коммуникативных структурах», интерпретированных как ситуации дискуссий, в которых свободные индивиды заняты подбором аргументации в поисках взаимного признания в процессах выработки нормативного консенсуса. Коммуникативная рациональность, формирующаяся в результате коммуникативных действий индивидов,

«содержит в себе коннотации свободно объединяющей, создающей консенсус силы дискурса, благодаря которому участники избавляются от своих субъективных воззрений ради рационально мотивированного согласия» [11].

Демонстрация ограниченности, господствовавшей в новоевропейской философии, стала несомненным приобретением теории коммуникативного действия Хабермаса. Однако правомерное и перспективное разграничение инструментальных (стратегических) и коммуникативных актов также и относительно, само существование коммуникативного действия в «чистом виде», то есть освобожденное от всяких элементов целеполагания, целерациональности и прагматики – оказывается проблематичным. В действительности элементы коммуникативного действия зачастую вплетены в другие виды и формы общественной деятельности, и различие их оказывается не реальным, а всего лишь аналитическим. В этих условиях очевидно, что стратегия как целерациональность действующего разума уступает место *понимающей* стратегии (В. Кемеров), максимально учитывающей установки, позиции, уровни притязаний и характер интересов субъектов, участвующих во взаимодействии. И хотя каждый из субъектов придерживается своей собственной стратегии, в результате осуществляется не предзаданный план, а стратегия взаимодействия, выработанная как определенное согласование различных установок и ориентаций.

Таким образом, очевидно, что проблема методологического обоснования категории «стратегия» в культурфилософской и социально-психологической парадигме гуманитарного знания требует дальнейшего осмысления, поиска корректных и продуктивных подходов с учетом целей практического применения (интерпретации) данной дефиниции.

Для социологов, антропологов, культурологов, занимающихся актуальной проблематикой, проблемы индивидуального выбора способов действия, устойчивости этого выбора, риска и неопределенности, сопряженных с выбором, неотделимы от рефлексивного поведения личности. Следовательно, в этой исследовательской парадигме под стратегией подразумевается устойчивая совокупность осмысленных, рефлексивных действий, выстроенных в определенной последовательности для достижения результата (целей) на определенный период времени. При этом сами цели могут быть конкретным образом осознаваемы или находиться вне сознания человека,

иметь размытый, «неотфокусированный» вид. Для стратегии характерна как определенность и долговременность, так и гибкость: при переопределении социокультурной ситуации схемы действий личности (в границах единой стратегии) могут меняться.

Примечания

1. Штраус А. В. Юрий Беликов: стратегия самоопределения провинциального поэта [Текст] / А. В. Штраус // Региональные культурные ландшафты: история и современность. – Тюмень : Издательско-полиграфическое предприятие (ФГУИПП) «Тюмень», 2004. – С. 134.
2. Абашева М. П. Траектория успеха провинциального писателя: смена векторов [Текст] / М. П. Абашева, Ю. В. Даниленко // Региональные культурные ландшафты : история и современность. – Тюмень : Издательско-полиграфическое предприятие (ФГУИПП) «Тюмень», 2004. – С. 122.
3. Готлиб А. С. Качественный метод в эмпирической социологии: размышления после дискуссии [Текст] / А. С. Готлиб // XXI век: новые горизонты гуманитарных наук. – Самара : Универс-групп, 2004. – С. 100.
4. Бёрн Э. Люди, которые играют в игры [Текст] / Э. Бёрн ; под общ. ред. М. С. Маковецкого. – СПб. : Лениздат, 1992. – С. 58.
5. Современная социологическая теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования [Текст] : в 2 т. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – С. 129.
7. Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии [Текст] / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 3–13.
8. Вильямс Дж. Совершенный стратег [Текст] / Дж. Вильямс. – М. : Советское радио, 1960. – С. 34.
9. Перов Ю. В. Стратегии философского осмысления социального общения [Текст] / Ю. В. Перов // Коммуникация и образование: сб. ст. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 9–32.
10. Хабермас Ю. Познание и интерес [Текст] / Ю. Хабермас. – М. , 2006. – С. 28.
11. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2008. – С. 325.